

Э. М. МЕДНИКОВА

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ

В современном языкознании широкое распространение получило понятие «глубинных структур», связанное со стремлением проникнуть в неподдающиеся непосредственному наблюдению явления, лежащие в основе языка и определяющие связи его единиц. Подлинное понимание глубинных структур в области лексикологии обязательно требует обращения к тому, что без достаточной точности обозначается терминами «словообразовательная связь», «словообразовательный потенциал», «порождающая сила словообразовательной модели» и т. д. и т. п.

Прежде чем перейти к существу этого явления, необходимо уточнить связанные с ним понятия и термины. В области словоизменения для обозначения совокупности флективных изменений слова общепринятым является термин «парадигма».

В области же словообразования внутриязыковая связь между такими словами, как, например, *house, to house, housing, houseful, houseless* и т. д. или *do, a do, doing, doer, overdo, outdo, undo* и т. д., т. е. между разными членами так называемого словообразовательного ряда, остается теоретически неосмысленной и соответствующим образом не обозначенной. Поэтому вполне правомерной является постановка вопроса о «словообразовательной парадигме».

Целесообразность этого термина по сравнению с термином «ряд» подтверждается и тем обстоятельством, что «ряды» неизбежно создают впечатление последовательного наращивания, тем самым как бы исключая одновременность существования соответствующих слов в языке, нелинейность отношений между ними.

Далее, в современном языкознании для обозначения слова как единицы языка используется термин «лексема». Лексема — это абстрактное понятие инварианта, лежащее в основе грамматических изменений отдельных слов и включающее в себя всю заложенную в какую-либо данную парадигму потенцию изображения форм. Для обозначения конкретной манифестации слова в речи используется термин «аллолекса». Аллолексы — это варианты данной лексемы, базирующиеся на наличии в конкретном языке определенных грамматических категорий. Слова, обладающие одним и тем же набором грамматических (формообразующих) категорий, объединяются в определенные классы — «части речи».

Производные и сложные слова, занимающие значительное место в словарном составе всех европейских языков, кроме свойственных им как лексемам признаков, обнаруживаемых в парадигматических и синтагматических связях этих слов, обладают особыми специфическими для них признаками.

Эти признаки могут быть наблюдаемыми, т. е. получающими определенное «формальное» выражение, и ненаблюдаемыми. Например, слово, входящее в одну словообразовательную парадигму и являющееся лексемой с присущими ей семантическими и грамматическими категориями,

связано с обладающими теми же категориальными признаками словами, входящими в другую словообразовательную парадигму. Таким образом, по общим вещественным и формальным признакам существует легко наблюдаемая связь между словами *teacher, builder, sender, caller* и т. д.; или *re-write, re-read, re-arrange, re-stock* и т. д. или *a run, a jump, a wait, a think*.

С другой стороны, между словами типа *re-write* например, и типа *a run* тоже существует определенная, хотя уже не столь легко наблюдаемая связь, поскольку и в тех и в других выражается общее понятие «процессности» — в первых в виде «повторного действия», а во вторых в виде «однократного действия».

Следовательно, словообразовательные изменения можно рассматривать, с одной стороны, в плане связи между словами, образованными от одного корня, с другой — в плане связи между словами, образованными в соответствии с потенцией словообразования, характерной для данного языка, и с третьей — в плане связи между самыми общими морфологически закрепленными лексическими категориями¹.

В первом случае мы имеем дело со словообразовательной парадигмой, во втором — с реализацией лексико-морфологических категорий, проявляющихся на словообразовательном уровне, а в третьем — с классом слов, объединенных на основе общности лексико-морфологических категорий. Такие классы слов мы предлагаем называть «гиперлексемами», считая, что гиперлексема — это инвариантная единица более высокой степени абстракции, чем лексема.

Каждому конкретному языку свойственны особые, специфические для него, лексико-морфологические категории. Например, в русском языке широко представлена категория увеличительности и уменьшительности; ср. *дом, дождь — домина, домище, дождина, дождище* и, соответственно, *домик, домишко, домок, дождик, дождичек* и т. п.

В английском языке лексико-морфологическая категория увеличительности отсутствует вообще. Поскольку основой любой лингвистической категоризации является воспроизводимость, в данном случае связываемая с понятием продуктивности словообразовательных средств, можно, по-видимому, сказать, что и категория уменьшительности практически не существует, за исключением сферы образования уменьшительно-ласкательных имен собственных на *-iel/-y²*.

Для английского языка естественным является выражение понятий увеличительности и уменьшительности при помощи самостоятельных лексем (например, *drizzle, shower*) или различного рода словосочетаний, эмоционально-экспрессивные коннотации которых зависят как от значений составляющих их слов, так и от типа самого словосочетания. Ср. *a large (big) house, an enormous (huge) house, a small (little) house, a tiny house, a giant of a house, a pigmy of a house, a heavy rain, a pouring rain, a light rain, a drizzling rain, a beast of a rain*.

Обращаясь к рассмотрению лексико-морфологических категорий, которые конституируют гиперлексемы английского языка, прежде всего необходимо обратить внимание на два обстоятельства. Первое из них свя-

¹ Под лексической категорией мы, вслед за А. И. Смирницким, понимаем «такие языковые единства наиболее общего характера, которые проявляются в семантическом противопоставлении по определенному признаку двух или более слов, при том условии, что такое же противопоставление наблюдается и в других парах или больших группах слов и имеет систематическое выражение» («Морфология английского языка», М., 1959, стр. 205).

² Уменьшительные суффиксы *-ling, -let/-et, -kin/-in* не являются продуктивными кроме того, хотя количество образованных при помощи этих суффиксов слов и так весьма невелико, далеко не все из них воспринимаются как производные в современном английском языке.

вано, с тем, что английский язык характеризуется совершенно особыми, отличными, например, от русского языка, возможностями, характером и, в определенном смысле, телеологическим аспектом словообразования, широко используемыми в обычной литературной и разговорной речи, не выходящими ее за рамки основных речевых функций. Поясним сказанное на примерах: в английском языке практически от любого глагола одним и тем же способом образуется имя деятеля, причем не только в том случае, когда имеется в виду профессия или постоянное занятие (*teacher, writer, carpenter, swimmer, broadcaster*; ср. русск. *учитель, писатель, плотник, пловец, диктор*), присущее человеку внутреннее качество или свойство характера (*worrier, crier, talker, blurter* и т. п., ср. русск. *паникер, плакса, болтун* и т. п.), но и тогда, когда имеется в виду временное занятие, действие, состояние. Например, *a writer* — это и писатель, и тот, кто пишет, скажем, письмо (пишущий письмо), *a dancer* — это и танцовщик (танцовщица), и тот, кто умеет танцевать (ср. русск. *танцор*), и тот, кто танцует в данный момент (танцующий).

Далее, в русском языке существуют сложнопроизводные прилагательные *голубоглазый, чернобровый, широкоплечий, односторонний, остроносый* и т. п. Однако по аналогии с ними «нормально» не образуются такие прилагательные как **прямозубый, *тяжеловекий, *одноидейный, *мягконошосенный* и т. п. (ср. англ. *straight-toothed, heavy-lidded, one-idea'd, soft-soled* и т. п.). Данные понятия передаются в русском языке словосочетаниями типа *с прямыми (ровными) зубами, с тяжелыми веками, (находящийся) под властью одной (неотступной) мысли, на мягкой подошве* и т. д. Такие же образования с глобальной номинацией, как *двухметроворостая (змея), окалошенные (ножки), бутылочноглазый (субъект), крысонепроницаемый подвал* и т. п., употребляются не столько для того, чтобы передать содержание, свойственное участвующим в их образовании основам, сколько в метасемиотической (т. е. особой стилистической) функции, и воспринимаются как специальный прием определенного эстетического или эмоционального воздействия.

В английском же языке подобные образования стилистически нейтральны (ср. *a high-backed chair* — *кресло с высокой спинкой, sweat-drenched* — *взмокший от пота, hand-picked journalists* — *специально отобранные журналисты* и т. п.). То же относится и к другим видам словообразования, например, к образованию сложных прилагательных (*a house-proud woman, leg-inspiring rhythm* и т. п.), к образованию сложнопроизводных существительных (*a do-gooder, a six-footer, a well-wisher, a lady-killer, a baby-sitter* и т. п.) и особенно, конечно, к образованию глаголов по конверсии (*to seat, to father, to book* и т. п.)³.

Второй момент, на который нужно обратить внимание, — это то, что в английском языке только глагол может рассматриваться как обладающий определенными категориальными признаками в полной мере, т. е. как конституируемый достаточным количеством четких грамматических категорий⁴. Другие же части речи в английском языке не определяются столь же четкими и разнообразными категориями.

³ Из сказанного не следует, что эта «свобода» в области словообразования исключает возможность метасемиотического использования присущих английскому языку словообразовательных возможностей. Например, в таких случаях, как *promise-crammed air* (Shakespeare), *un-idea'd girls* (S. Johnson), *blue-behind'd ape* (R. L. Stevenson), *this twisting-eyebrowed baronet* (J. Galsworthy), *star-skied town* (C. Macinnes), *wishers-after-leath* (R. Bradbury), *nose-looker-downers* (E. Queen), *nose-turner-uppers* (N. Freeling), *the order-givers and the order-carr-g-outers* (A. F. Russel), *Margaret-weakened George* (J. Tey) — основной функцией сложных образований является именно стилистическая функция.

⁴ Стройная система категорий английского глагола разработана А. И. Смирницким (см. «Морфологию английского языка»).

Такое положение приводит к тому, что наиболее отчетливо выделяется гиперлексема «процессности». Это значит, что на основе лексико-морфологической категоризации выделяется класс слов, выражающих общее понятие «процессности».

Категории, конституирующие эту гиперлексеми и реализующиеся противопоставлением соответствующих категориальных форм, могут быть представлены следующим образом⁵.

1. Категория вида процесса⁶, проявляющаяся в противопоставлении слов, реализующих значение процесса (действия, состояния) в его протекании во времени, тем словам, в которых процесс выступает как единичный, однократный акт. Таким образом, категориальные формы, конституирующие данную категорию, могут быть обозначены как форма процесса действия и форма однократного действия.

Первая реализуется в образованных от глагольной основы словах с суффиксом *-ing*, как то: *writing, thinking, knowing, demonstrating, translating* и т. п.⁷, например, *abrupt, goings and comings* (W. S. Maugham); *his beginnings and his becomings* (A. King); *there haven't been many sinkings that way lately* (Gr. Greene).

Форма однократного действия образуется конверсией от глагола и реализуется в таких словах, как *a run, a jump, a wait*, и т. п., например, *I had a good think* (G. K. Chesterton); *the Ford wasn't a bad buy* (G. Metalius); *What a sell, what a frightful sell!* (L. P. Hartley); *If you want a sure win, play number nine* (D. Stewart).

Категория вида процесса весьма широко представлена в английском языке, особенно в разговорном стиле речи, причем часто ее употребление связано с несущими глагольную функцию сочетаниями типа *to do the writing, to do the translating* и т. п. или *to have a look, to have a smoke, to take a look, to take a walk, to make a start, to make a break* и т. д.⁸.

2. Категория относительного (производного) процесса. Сложность данной категории заключается в том, что здесь наблюдается как бы наслаивание друг на друга различных видов противопоставлений: во-первых, самое общее понятийное противопоставление слов со значением непосредственного процесса тем словам, общим значением которых является опосредствованный процесс. Во-вторых, конкретно, слова с опосредствованным процессным значением противопоставлены словосочетаниям со словами, от основ которых они производятся. Ср., например, *to pen — to write with a pen, to breakfast — to have breakfast, to atomise — to break (in) to atoms, to enthuse — to show, display enthusiasm* и т. п.

⁵ Мы хотим заранее предупредить, что по существу приведенный ниже материал не содержит каких-либо фактов, которые в той или иной мере не были бы описаны в литературе. Однако когда речь идет о словообразовании, предлагаемые аспекты его рассмотрения, анализ и классификация представляются наиболее адекватными современному состоянию науки.

⁶ Мы попытались найти для рассматриваемых категорий адекватное метаязыковое выражение. Однако приходится еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что в лингвистическом описании, особенно в таком, которое связано с семаснологией, исследователь сталкивается с трудностями, обусловленными в первую очередь тем, что для научного описания языка приходится использовать его же собственные термины. Подобная «единосущность» (консубстанциональность) приводит к неопределенности, диффузности, тавтологии, которую часто не удается преодолеть. Поэтому предлагаемые обозначения категорий следует считать в значительной мере условными.

⁷ Реализация рассматриваемой категориальной формы не зависит от существования близких по значению слов с иной структурой, например, *arrival, departure* и т. п., или имен действия типа *demonstration, translation* и т. п.

⁸ Кроме того, для разговорного стиля речи характерны реализующие эту категорию (особенно в форме однократного действия) слова с более сложной структурой, а именно, образования от глагольно-наречных коллокаций, глобальных по своей семантике. Например, *a talking-to, a carrying-on* и т. п., или *a mix-up, a look-out* и т. п.

И, наконец, в связи со способом образования категориальные формы производного процесса оказываются противопоставленными исходным словам, не имеющим процессного значения⁹.

Эти категориальные формы образуются различными видами вербализации, из которых основным является конверсия. При помощи конверсии глаголы производятся от 1) субстантивных основ, как простых, корневых (например, *to rank, to winter, to tongue*), так и производных (например, *to package, to companion, to parliament*), сложных (например, *to highlight, to blacklist, to machine-gun*) и опрошенных (например, *to breakfast*¹⁰; 2) от основ прилагательных (например, *to yellow, to thin, to sharp*; см. также *Racine well Englished at last; his subsequent play has been Irished from Anouilh* — из литературного приложения к «Таймс»); 3) от основ наречий (например, *to up, to down*); 4) от сокращений (например, *to vet* < *vet* < *veterinary*; *to bolshie* < *bolshie* < *bolshevik*; *to snafu* < *snafu* < *situation normal, all fouled up*); 5) исходными для глагола могут служить также и словосочетания, особенно те, которые имеют более или менее идиоматический или устойчивый характер. В качестве примера можно привести *to blackball*, образованное от фразеологической единицы *black ball* (*They'll blackball anyone* — A. Waugh); *to first-name* от устойчивого сочетания *first name* (*He first-named them, asked questions about their families* — B. Appel); *to third-degree* от устойчивого сочетания *third degree* (*to start third-degreering the Mattsons* — M. Lang); *to black coffee* (*I just black coffeed my way through* — R. P. Wilmot) и т. п. 6) и, наконец, в качестве основы глагола может выступать междометие; причем здесь «процессность», как правило, связана с превращением прямой речи в косвенную и рассматривается как акт «произнесения» междометия. Например, *He pooh-poohed the idea* (R. Lehman); *Some booed the Dean* (P. H. Newby); *Attercliffe shushes him again* (J. Arden); *He drew up alongside and whathoed* (P. G. Wodehouse) и т. п.

В связи с данной группой слов необходимо отметить, что в глагольные могут превращаться и другие основы, выделяемые из прямой речи, и даже словосочетания или целые предложения. Например, *Don't start 'Now Maxwellling me'* (A. Waugh); *Pongo absolutely-ed heartily* (P. G. Wodehouse); *The driver had to «Hey, bud» him awake* (H. Slesar).

Суффиксация также является весьма распространенным средством выражения категории производного процесса. Наряду с такими глаголами, как *rationalize, lionise, westernize, revivify, objectify* и т. п., все чаще встречаются новые образования. Например, *to missionarize* (*What does a missionary do when he cannot missionarize any more?* — H. Suyin); *to miniaturize* (*Everything has been miniaturized, transistorized, servoreinforced and automated* — E. Burdick) — ср. *to minify, to citify, to nazify* и т. п.

В рассматриваемой категории отдельное место занимают глаголы, образованные регрессией, типа *to buttle* от *butler* (*I don't think you'll need to do much buttlin' for us tonight. We can buttle for ourselves* — J. B. Priestley); *to liaise* от *liaison* (*You will have to liaise with the County* — M. Allingham);

⁹ Обозначая процесс, связанный с данным предметом, конкретные значения слов, в которых представлена категориальная форма производности, выступают каждый раз в виде определенной, конкретно-исторически обусловленной семантической связи с исходной основой, рассмотрение которой не входит в нашу задачу.

¹⁰ Мы не выделяем отдельно конверсию (вербализацию) собственных имен (см. например, *The next afternoon Lois Rolls-Royced into Crunnoch* — D. Walker), поскольку для них характернее участие в коллокации с глаголом *do*, как например, *to have done a Byron and woken up one morning and found oneself famous* (C. Brand) — уподобиться Байрону — быстро и неожиданно прославиться.

to locomote от locomotion (A car, however splendid, was a means of locomotion and it must at all times be ready to locomote — P. Cheney) и т. п.¹¹

3. Категория повторного процесса, проявляющаяся как в словах со значением повторения действия, так и в словах со значением возвращения к первоначальному состоянию. Ее категориальные формы, выявляемые противопоставлением первичного процесса повторному, определяются наличием/отсутствием префикса *re-*¹² в различных словах, выражающих действие или состояние как процесс. Например, *cast — recast (to recast a gun; to recast a chapter; to recast a column of figures; to re-cast a play — Hornby); seat — reseat (Slowly Mr. Osport re-seated himself — C. F. Gregg; He will have to reseat this pair of trousers — Hornby); divide — re-divide (that Bulgaria should be divided into two parts — later Bulgaria was re-divided into one part — W. C. Sellar); think — re-think (He'd had to re-think and perfect the plan — A. Garve)* и т. п. Или: *writing — rewriting*¹³, *housing — rehousing, appointment — reappointment, translation — retranslation* и т. п. См. также *jill — refill (He caught the waiter's eye to order a refill — G. H. Coxe); birth — rebirth (It was like a rebirth — L. P. Hartley), issue — re-issue (Some people had plates of food, by now, and there seemed to have been a lavish re-issue of red wine — N. Gordimer)* и т. д.¹⁴

Данная категория проявляется и в словах типа *remade, reborn, rebound, republished, re-printed*, где значение повторного процесса усложнено «признаковым» значением, возникающим вследствие приобретения глагольными формами определенных синтаксических и грамматических характеристик, связанных с выражением признака.

Несколько иначе соотносится признаковость и процессность в словах типа *reincarnate, regenerate, recurrent, reproductive, redistributive*, в которых

¹¹ Формально к образованным по способу регрессии можно отнести и такие сложные глаголы, как например: *to housekeep, to caretake, to chain-smoke, to baby-sit, to proof-read* и т. п. Однако, хотя *housekeeper* (или *housekeeping*), *chainsmoking*, *baby-sitter* (или *babysitting*) и т. п. по времени образования предшествуют указанным глаголам, почему здесь и можно ставить вопрос о регрессии, этот тип глагольного производства настолько продуктивен, что есть все основания считать указанные глаголы независимо образованными по словообразовательной модели «основа существительного + основа глагола». См. также *to best-sell*, где первая основа не является именной: *All very well if he pulls a best-seller out of the first list but supposing they don't best-sell, none of them (J. Bonnet)*.

¹² Сюда, естественно, не входят слова, которые можно, как это делается в Оксфордском словаре, назвать до-английскими производными (*pre-English compounds*) и в которых префикс *re-* в современном английском языке либо не выделяется (например, *rebel, remonstrate, resist, remain, resume, regard, respect, remark, result* и т. п.), либо, являясь омографом, имеет другое значение и отличное от рассматриваемого нами продуктивного *re-* произношение (например, значение «ответности»: *requite, revenge* и т. п.; «усилительности»: *rejoice, redound, redouble* и т. п.). Ср. также *count — re-count* и *recount* в значении «рассказывать», *lease* (конверсия от сущ. *lease*) — *rl-lease* и *release* в значении «освобождать, открывать» и т. п.

¹³ То обстоятельство, что мы включаем имена действия (а ниже и прилагательные), может вызвать возражения в том смысле, что рассматриваемая категория перестает быть лексической и становится лексико-грамматической. Однако это объясняется следующим образом. Во-первых, первичность/повторность появляется здесь в противопоставлении одного имени действия (или прилагательного) другому, т. е. не связана с грамматическими моментами. Во-вторых, классификация слов на рассматриваемом уровне по определению предполагает объединение слов, связанных семантической общностью в самом широком смысле и поэтому, даже в том случае, когда категоризация ведет к известным различиям грамматического характера (см. например, категорию вида процесса или категорию производного процесса), не они являются определяющими.

¹⁴ При рассмотрении данной лексической категории не имеет значения последовательность самого процесса словообразования, т. е. тот факт, что, например, как можно предположить, *re-establishment* образовано от *re-establish*, а не *establishment, resettlement* от *resettle*, а не от *settlement* и т. д. Важно, что в современном языке существуют две морфологически выраженные категориальные формы.

также воплощается категория повторного действия. Здесь признак является как бы результатом лежащего в основе значения слова процесса.

4. Категория обратного процесса, воплощающаяся как в словах со значением действия, направленного на уничтожение результатов предшествовавшего действия, так и в словах со значением действия, связанного с прекращением какого-либо действия или состояния. Категориальные формы этой лексической категории, противопоставляющие прямое действие обратному, определяются наличием/отсутствием префиксов *un-, dis-, de-*. Например *build — unbuild* (*The winds and sunbeams... build up the blue dome of air... I arise and unbuild it again — P. B. Shelley*); *wrinkle — unwrinkle* (*I was sitting at my window watching the city unwrinkle from sleep — L. Durrell*); *do — undo* (*I had to... undo my loneliness — J. Aldridge*); *connect — disconnect* (*Disconnect your telephone when you get back to your room — P. Cheney*); *call to the bar — disbar* (*He will be disbarred — W. S. Maugham*); *compress — decompress* (*The pain in his ears reminded him to stop and decompress — J. Aldridge*)¹⁵.

Данная категория, подобно предыдущей, находит воплощение и в таких словах, как *fettered — unfettered*, *married — dismarried* (M. Innes), *populating — de-populating* (A. Johnstone), в которых значение признака, появляющееся вследствие приобретения ими определенных синтаксических и грамматических характеристик, является производным по отношению к заложенному в них процессному значению. Кроме того, она представлена и в именах действия. Например, *unbending, disorganisation, denazification*.

5. Категория процесса лишения (каритивности), в которой действие предстает как отнятие, изъятие чего-либо¹⁶. Эта категория связана с предыдущей общностью выражения одной из категориальных форм (префиксы *un-, dis-, de-*), в то время как вторая ее форма проявляется в словах с предметным значением; например, *beauty — unbeauty* (*Knowing her smile unbeautied her — H. Suyin*); *pod — unpod* (*The thistle that one breath of wind might unpod in a season of thistles — R. Bradbury*); *horn — dishorn*; *branch — disbranch*; *gut — degut* (*She cleaned her hands after assisting to degut the gazelle — M. M. Kaye*); *nature — denature* (*This hideous century we live in, which has denatured humanity — L. P. Hartley*).

Эта категория реализуется, соответственно, и в словах типа *uncorked, unhorned, disbranched, unmasked (an unmasked villain)* и т. п. и *uncorking, unhorning, degutting, denaturing*.

Вследствие определенной семантической близости общего (категориального) значения, формально подтверждаемой использованием в категориальных формах тех же префиксов (хотя и с разными оттенками значения), между категориями обратного процесса и процесса лишения не всегда удается провести четкую границу, т. е. установить, какая именно категория представлена в том или ином слове. Создается впечатление, что в некоторых словах эти категории не различаются. Например, что значит *unchain* — «расковывать», «освобождать», «спускать с цепи», «открывать» [категория обратного процесса; ср. *to chain (up), to put in chains* «зако-

¹⁵ Здесь, как и в предыдущей категории, существует опасность смешения, с одной стороны, со словами типа *discard, discern, disgust, disconcert, disgrace* и т. п. (см. примеч. 12), а с другой — с такими словами, в которых префиксы *un-* и *dis-*, являясь омонимичными рассматриваемым нами префиксов (дизигнативная несовместимость в разных случаях употребления), имеют отрицательное значение (*disapprove, disagree, disbelieve, unlearned, unreported, undamaged, unbroken, unknowing* и т. п.) или усилительное значение (*unloose, disannul* и т. п.; ср. с русск. *разобидеть, расхвалить, раскричаться, разбаловаться* и т. п.).

¹⁶ Ср. русские слова с приставкой *обез-/обес-*: *обезболить, обездомить, обезличить, обезцветить, обезпачить, обезножить* и т. п.

вывать», *to put on a chain* «сажать на цепь», «закрывать на цепочку»] или «лишать цепей», «освобождать от цепей», т. е. фактически тоже «расковырять», «освободить»? Конечно, в контексте *The dog was unchained* или *They unchained the door* рассматриваемое слово обнаруживает значение обратного процесса. Однако в *They unchained the men, When man is unchained...* оно не может быть истолковано однозначно.

Даже в тех случаях, когда вторая категориальная форма имеет процессное значение, т. е., казалось бы, положительная форма (с префиксом) не может означать каритивности, мы сталкиваемся со сложным переплетением значений. Например, слово *dehumanize* воспринимается в первую очередь как имеющее значение обратного процесса — «делать грубым, варварским» (ср. *humanize* «очеловечивать»). Однако не значит ли оно также «лишать человеческих качеств»? Или: *deoxidize* «раскислять; восстанавливать» (ср. «отнимать кислород»). В подобных случаях мы можем опереться на формальный признак и считать, что в данных словах, независимо от возможностей толкования, воплощена категория обратного процесса.

Значительно сложнее дело обстоит с наиболее простыми в структурном отношении словами, образованными от корневой основы. Здесь затруднения в определении категориального значения связаны с тем, что, вследствие широких возможностей конверсии, не всегда удается установить, к какому лексико-грамматическому классу относится вторая категориальная форма. Например, если *cork* является существительным, то в *uncork* (*He uncorked the bottle*) представлена лексическая категория процесса лишения, если же *cork* является конверсией от существительного (*Mr. Urquhart told me to cork it up tight — D. L. Sayers*), то в *uncork* (*He uncorked the bottle*) выступает категория обратного процесса. Таким же образом можно решить вопрос о том, что значит, например, *discrown* «отобрать корону», или «свергнуть с престола» (того, кто был *crowned*).

Как видно из приведенных примеров, близость этих категорий такова, что даже контекст не всегда помогает точно определить, какая из них выступает в том или ином случае. Однако, как правило, спорные случаи получают именно контекстное разрешение. Ср., например, *unhorse* — «отобрать лошадь» и «выбить из седла»: *For the moment another man was in the saddle. He would first have to be unhorsed* (P. Cheney).

Интерес в этом смысле представляет и слово *disarm*, которое, в зависимости от того, является ли вторая категориальная форма переходным или непереходным глаголом, обнаруживает значение процесса лишения или обратного значения. Ср. *вооружить* и *разоружить*, т. е. уничтожить результат «вооружения» и вернуть к состоянию «невооруженности» (например, *Which country will be the first to disarm? Several disarmament conferences were held after the war of 1914—1918 but rearmament made more progress than disarmament*) и *обезоружить, разоружить*, т. е. отнять, отобрать оружие (например, *Over a thousand enemy soldiers were captured and disarmed*).

6. Категория сравнительности процесса, проявляющаяся в противопоставлении слов со значением нормального процесса (действия, состояния) тем словам, значение которых указывает на его неполноту, недостаточность, с одной стороны, избыточность, излишек, с другой, или преобладание в действии, часто связанное с превосходством в достижении результата, с третьей. Сравнительные категориальные формы реализуются в основном в сложных глаголах с наречиями, соответственно, *under*, *over* или *out* в качестве первых основ¹⁷.

¹⁷ Обычно подобные сложные глаголы соотносятся с русскими приставочными глаголами на недо- (например, *недобрать, невыполнить, недоплатить, недооцени-*

Например, *letters from booksellers who had under-ordered* (N. Gordimer); *He underacted the part of Hamlet* (Hornby); *They understate their losses* (Hornby); *Don't underestimate the enemy's strength* (Hornby); *... perhaps he'd overstated things a trifle* (J. C. Masterman); *That grocer always overcharges* (Hornby); *they overflow about the place* (C. Macinnas); *He overdid his part in the play* (Hornby); *able to outlast, outthink, outfight and outrun anyone of his species* (T. Sturgeon); *Scobie had been out-manoeuvred in the interminable war over housing* (Gr. Greene); *He had outswum his strength, underestimated the power of the current* (A. Waugh).

Теоретически можно представить, что от любого глагола, особенно глагола активного действия (хотя возможны и такие образования как *over-sleep*), образуются все категориальные формы, например, *bid — underbid — overbid — outbid*, *do — underdo — outdo — overdo*, *sell — undersell — oversell — outsell* и т. п., однако, фактически, в речи используются далеко не все из них. Некоторые категориальные формы как бы остаются потенциальными.

Категория сравнительности представлена также входящими в гиперлексему процессности словами с производным признаковым значением. Например, *India is overpopulated and Australia is underpopulated* (Hornby); *His body felt overrested and underrested all at once* (R. Frede); *Here we sit, overfed, overdressed. Only not overwined because I can't afford it* (M. R. Rinehart); *Eating was grossly underpoliced* (J. Trench); *The terrible years he had spent as an underfed, underpaid undermaster in a Welsh school* (D. Frome).

7. Категория агентивности, реализующаяся в противопоставлении слов со значением действия (процесса, состояния) тем словам, которые обозначают деятеля, исполнителя данного действия (процесса и т. д.). Категориальные формы данной категории выступают в виде глаголов, с одной стороны, и имен, образованных посредством агентивного суффикса *-er* от основ этих глаголов, с другой. Выше уже приводились примеры этой категориальной формы и указывались некоторые ее особенности. Добавим к этому еще одно замечание: реализация агентивности не зависит ни от характера действия, ни от того, каким образом оно представлено, т. е. здесь нет ни семантических, ни фономорфологических, ни каких-либо иных ограничений.

Имя деятеля может быть образовано: 1) от глагольно-наречных коллокаций, например, *a looker-on* (а также *an onlooker*), *a runner-up*, *a cutter-off*, *a giver-up* и т. п. Здесь, как можно заметить из того, что суффикс *-er* прибавляется к глагольной основе, а не к основе всей коллокации, имя деятеля структурно представлено в виде особого пограничного случая между сложнополовозводным словом и слитным речением. От этих же коллокаций имена деятеля могут быть образованы и двукратным применением суффикса *-er*, как например, в *a dresser-upper*, *a cheerer-upper*, *a tearer-downer*, *a feeler-outer* и т. п.¹⁸; 2) от адъективно-именных коллокаций типа *bitter end* (*The few remaining bitter-enders came straggling out —*

вать и т. п.), *пере-* (например, *пересолить*, *перемудрить*, *перекричать*, *перевешивать* и т. п.) и *пре-* (например, *превысить*, *преодолеть* и т. п.). Однако в случае с *out-* (*пре-*) русский эквивалентом чаще является описательное выражение. Ср. например, *outwork* и *работать лучше и быстрее*; *outride, outrun, outsail* — *перегнать, обогнать* (на лошади, в бегах, на корабле) или *скакать, бежать, плыть быстрее*; *outsell* и *продать лучше, дороже, быстрее, чем другой товар* (или *другой продавец*); *outwear* и *быть прочнее, носить дольше* и т. д.

¹⁸ Особый стилистический, вернее, метасемантический, характер имен деятеля, образованных не от отдельного слова, а от различных словосочетаний, совершенно очевиден, однако это лишь подчеркивает универсальность данной категории и косвенно отражает специфику английской лексической системы, для которой характерно процессное отражение внешнего мира.

C. Woolrich); *last ditch* (She was a last-ditcher by nature — J. Tey); *simple life* (They were simple-lifers — I. Azimov) и т. п.; 3) от свободных сочетаний глагола с существительным, выражающих предикативно-объектные отношения. Здесь, как правило, словопроизводство связано с позиционным перераспределением основ и с морфологическими изменениями в именной основе, превращающейся в модификатор глагола (адвербиализация). См. например, *to drink beer — a beer drinker* (P. H. Newley); *to waste time — a time-waster* (J. O'Hara); *to make phrases — a phrase-maker* (C. Macinnes) и т. п. Однако такие изменения могут и не происходить и тогда вместо *a beer drinker* образуется структурно более сложное имя деятеля *a drinker of beer* или *a giver of joy* (G. Albee) и т. п.; 4) от сочетаний глагола с обстоятельственным предложным оборотом; например, *to winter in Europe — a winterer-in-Europe* (P. Quentin); *to breakfast in bed — a breakfast-in-bedder* (D. Walker); *to pull (smb) out of a river — a puller-out-of-rivers* (J. Tey) и т. п.¹⁹.

Категория агентивности обнаруживает еще одно, как бы следующее за уже рассмотренным, противопоставление — по линии субъекта — объекта действия, т. е. исполнителя действия и того, на кого это действие направлено. Так образуется связь: действие²⁰ — исполнитель действия — объект действия. Категориальная форма последнего оформляется суффиксом *-ee*. Например, *to interview — interviewer — interviewee*, т. е. «тот, кого интервьюируют» (*The interviewee determines the nature of the interview — Television news reporting*); *to amputate — amputator — amputee* «тот, кого подвергают ампутации» (*We're like amputees. We continue to feel an itch in the hand that was cut off ten years ago — A. Vail*); *to write somebody's biography — biographer — biographee* «тот, чью биографию пишут» (*At such-and-such a point the biographee's life left one phase and entered another — J. O'Hara*) и т. п. Здесь могут образовываться и смешанные цепочки типа *send — sender — addressee* или *address — sender — addressee*.

В категории агентивности обращает на себя внимание некоторая нерасчлененность категориальных форм, подобно той, с которой мы столкнулись при рассмотрении категорий обратного и каритивного процессов. Так суффикс *-ee*, в зависимости от того, образует ли он производное слово от основы непереходного или переходного глагола, приобретает либо активное, либо пассивное значение. Например, *escapee* (P. Cheney) — это не объект действия, а «тот, кто бежит; беглец» (= *escaper* — H. Macinnes). Ср. *refugee* (M. Mitchell) — «беженец»; *waitee* (B. Crosby) — «тот, кто ждет»; *standee* (R. Traver) — «тот, кто стоит», *returnee* (R. L. Marks) — «тот, кто возвращается»; *absentee* (L. P. Hartley) — «тот, кто отсутствует»; *devotee* (R. Benchley) — «тот, кто чему-либо предан, энтузиаст», «страстный любитель, почитатель, болельщик» и т. п.²¹.

¹⁹ Следует отметить, что хотя в русском языке также имеются различные возможности для образования сложных имен деятеля (см. например, образованные от предикативно-объектных сочетаний *телезритель, фотолюбитель, пенкосниматель* и т. п.), крайние, имеющие в значительной мере метасемiotическую функцию случаи довольно редки. Смотри, например, «... Вы, Юра, очень любите рассуждать о пользе. Между тем вокруг бегают невообразимо сложные кибердворняки, киберсадовники, киберпоездители-мух и -гусениц, киберсоорудители-бутербродо-с-ветчиной-и-сыром ...». А. Стругацкий, Б. Стругацкий, Возвращение, М., 1962, стр. 69).

²⁰ Здесь может выступать и «непосредственное», «прямое», действие и производное. В последнем случае связь может быть продолжена «влево» к предмету. Например, *licence — to licence — licensor — licensee*.

²¹ Между указанными двумя видами реализации суффикса *-ee* имеется и целый ряд переходных случаев. Например, *licensee* — это, с одной стороны, «тот, кому выдается разрешение», а с другой — «владелец разрешения», в частности «хозяин питейного заведения». Переходный характер такого рода случаев объясняется, прежде всего, неоднозначностью суффикса, хотя немалую роль в этом играет и индивидуальная

*

Нам удалось выделить семь конституирующих гиперлексему процессности лексико-морфологических категорий. Между ними наблюдается сложная система взаимодействий, пересечений, наслоений, обнаруживаемая при изучении категориальных форм в их конкретных воплощениях, т. е. при изучении «аллогиперлекс» данной гиперлексеми²². Однако можно обнаружить и некоторые общие закономерности, характерные для гиперлексеми процессности вообще.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что в составе гиперлексеми процессности объединены слова, принадлежащие на алломическом уровне к разным частям речи.

С другой стороны, на основе формального признака — характер исходной основы — можно наметить два подкласса, подкласс аллогиперлекс, исходной для которого является не-глагольная основа; причем на данном уровне вопрос об исходной основе не может решаться однозначно. Для каждой категориальной формы исходной является та основа, от которой эта форма образуется при помощи присущих ей формальных показателей. Так, если реализация категориальной формы производного процесса связана с не-глагольными исходными основами, то для категориальных форм процесса действия, повторности, агентивности и т. д., обнаруживаемых в словах с тем же корнем, исходными всегда являются уже вторичные глагольные основы.

Формальное деление на подклассы в зависимости от исходной основы подтверждается лишь тем, что категориальная форма однократного действия реализуется только в словах с исходной глагольной основой, в то время как категория производного процесса и процесса лишения свойственны исключительно словам с не-глагольной исходной основой.

Реализация остальных категорий связана с конкретным значением основы и также с более общими свойствами данного языка (наличие/отсутствие других слов с таким же или близким значением), с языковой традицией и, наконец, с фонологическими факторами (благозвучие).

Казалось бы, поэтому, что хотя, теоретически рассуждая, может быть выстроена «цепочка» аллогиперлекс от одного корня, в которой будут реализованы все лексические категории рассматриваемой гиперлексеми (за исключением либо формы однократного действия, либо формы производного процесса или процесса, лишения — в зависимости от характера первичной исходной основы), практически это осуществляется далеко не всегда. И действительно, если принимать в расчет только те аллогипер-

семантика корня, допускающая или не допускающая возможность подобного переосмысления. Иными словами, здесь наблюдается диалектическая связь лексической категоризации и конкретной семантики.

²² То обстоятельство, что лексическая категоризация коренным образом отличается от грамматической категоризации, не нуждается в доказательствах. Однако, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что «обязательность», присущая речевым реализациям грамматических категорий (грамматика как *Ars obligatoria*) и «свобода» в реализации лексических категориальных форм обуславливают различие самого характера внутрисистемных связей лексем и гиперлексем. Далее, поскольку грамматическая категоризация характеризуется большей четкостью, на ее основе легче выстраиваются «цепочки» слов одного корня, в которых реализуются релевантные категориальные формы (аллолексы соответствующей лексеми); причем если это не окрашенные стилистически, эмоционально, и т. д. единицы, то они таковыми и остаются, независимо от того, какая категориальная форма реализуется. Грамматические категориальные формы не обуславливают возможностей метасемантического функционирования.

лексы, которые указаны словарями или обнаружены нами в исследованном материале²³, то это рассуждение подтверждается.

Однако конкретная реализация рассматриваемой категоризации определяется еще одним обстоятельством, которое оказывается решающим и как бы перекрывает указанные выше условия. Это — лежащая в основе данного типа отношений *продуктивность*, вследствие которой конкретная алло-реализация в значительной мере произвольна, основана на телеологически обусловленном выборе (например, смысл, заключенный в предложении *If you think I'm going to help, you've got another think coming* может быть передан и без аллогиперлексы *a think: If you think I'm going to help, you are wrong; If you think I'm going to help, you are labouring under a delusion* и т. п.). Поэтому при изучении лексической категоризации в конкретном проявлении следует говорить не только о том, что *имеется*, но также и о том, что *возможно*.

Такая постановка вопроса представляется правомерной еще и вследствие того, что попытка наметить, хотя бы предварительно, некоторые общие отношения зависимости между количеством и характером конкретных реализаций и различными характеристиками глаголов, от основ которых они образуются, не дала положительных результатов²⁴. Так, например, было замечено, что максимальные возможности образования аллогиперлекс от одного корня не связаны с частотными характеристиками глагола. Действительно, среди основных глаголов (*Hauptverben*) английского языка только о *make*, *take* и *do* можно говорить, как об «активных» на рассматриваемом уровне. Можно отметить также отсутствие зависимости между возможностью алло-реализаций и переходностью/непереходностью глагола или тем, к какому семантическому классу относится исходный глагол.

²³ Материал исследования составил приблизительно 70 тысяч страниц текста современной художественной, литературоведческой, лингвистической литературы и прессы.

²⁴ Анализу подверглись первичные глагольные основы, так как они, как показал имеющийся материал, обладают наибольшим количеством «естественных», т. е. в меньшей степени метасемiotически окрашенных, реализаций на данном уровне.